

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Алексеева Ю.А.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ФОРМ НЕРЕАЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье рассматривается один из наиболее спорных вопросов, связанных с проблемой модальности – наличие или отсутствие особых форм сослагательного наклонения. Выводы делаются на основании анализа работ отечественных и зарубежных лингвистов (XX век)

Ключевые слова: модальность, сослагательное наклонение, нереальное наклонение, морфологическая омонимия.

Одним из наиболее спорных вопросов в области модальности является наличие или отсутствие сослагательного наклонения как такового или особых форм сослагательного наклонения омонимичных формам прошедшего времени. Суть этих споров была кратко изложена И.П. Ивановой, отметившей, что «разнообразие обусловлено тем, в каком соотношении авторы учитывали форму и содержание, насколько они находились под влиянием аналогии других языков, какова их позиция в вопросе грамматической омонимии» [Иванова И.П. и др., 1981: 70].

Несмотря на существование крайней позиции - отказа от признания статуса грамматической категории за нереальным наклонением, эта категория фигурирует в большинстве практических и теоретических грамматик. Конечно, каждый грамматист по-своему рассматривает систему форм сослагательного наклонения.

Выдающийся датский лингвист начала XX века Отто Есперсен в своих трудах, а в частности, в «Философии грамматики», также обращает внимание на эту проблему, описывая невременное употребление форм прошедшего времени (претерита), самым важным случаем которого, по его мнению, является выражение нереальности или невозможности. Такое употребление можно найти в предложениях, выражающих желание, и в условных предложениях. Логическая связь между этим употреблением и нормальным временным употреблением претерита заключается в том, что во всех этих случаях что-то отрицается в отношении настоящего времени: “At that time he had money enough” (В то время у него было достаточно денег), “I wish he had money enough” (Я хотел бы, чтобы у него было достаточно денег) и “If he had money enough” (Если бы у него было достаточно денег) — все эти предложения, каждое по-своему, противоположны предложению “He has money enough” (У него достаточно денег) [Есперсен О., 1958: 310].

Предложение “I wish he had money enough” формой претерита выражает желание, относящееся к настоящему времени, и в то же время его невозможность и нереальность

* © Алексеева Ю.А.

(К сожалению, у него нет достаточно денег); точно так же форма допрошедшего времени в предложении “I wish he had had money enough” выражает желание, относящееся к какому-то прошедшему периоду, и в то же время отрицает наличие достаточного количества денег в то время. Но по отношению к будущему времени, как правило, невозможно отрицать что-нибудь так категорически, а поэтому соответствующий сдвиг временных форм (would вместо will) выражает лишь определённую неуверенность в осуществлении действия: “I wish he would send the money tomorrow” (Я желал бы, чтобы он послал деньги завтра), но “I hope he will send the money tomorrow” выражает желание, ничего не говоря о вероятности его осуществления [Есперсен О., 1958: 310].

В условных предложениях Есперсен наблюдает те же сдвиги: “if he had money enough” относится к настоящему времени и отрицает факт наличия у него денег; “if he had had money enough” относится к прошедшему времени и отрицает наличие денег в то время; “if he should have money enough” относится к будущему времени, но не отрицает наличие денег, а лишь оставляет неясным вопрос о том, получит он деньги или нет. Однако последняя форма может употребляться также для выражения сомнения в настоящем времени: “if he should be innocent” (если он невиновен), в большинстве случаев означающее „если окажется (в будущем), что он невиновен (сейчас)“ и т. п. Если речь идет о будущем времени, можно употребить также форму простого прошедшего (без should): “It would be a pity if he missed the boat tomorrow” (Было бы жаль, если бы он завтра опоздал на пароход) [Есперсен О., 1958: 311].

Он утверждает, что иногда, особенно в разговорной речи, встречается еще больший сдвиг, при котором форма допрошедшего времени употребляется не только в отношении прошедшего, но и в отношении настоящего времени для того, чтобы только подчеркнуть нереальность, безотносительно ко времени. Например: “If I had had money enough (в настоящий момент), I would have paid you” и “I wish I had had money enough (сейчас) to pay you” [Есперсен О., 1958: 311].

Автор также отмечает, что употребление формы прошедшего времени для выражения нереальности в настоящем приводит к тому, что эта форма может употребляться применительно к будущему, например: “It is high time the boy went to bed” (Давно пора ребенку идти спать) [Есперсен О., 1958: 311].

Есперсен не отрицает наличия формы сослагательного наклонения, но замечает, что в конструкциях со значением желания и условия в английском языке в 99% случаев прежняя форма сослагательного наклонения прошедшего времени совпадает с формой изъявительного наклонения прошедшего времени, кроме единственного числа глагола to be (быть), где до сих пор различаются was и were. В связи с этим автор упоминает о том, что приблизительно с 1700 года was употребляется в таких позициях все чаще: “I wish he was present to hear you” (Дефо); “A murder behind the scenes will affect the audience with greater terror than if it was acted before their eyes” (Филдинг). Он говорит, что, несмотря на реакцию в пользу were в литературном языке начала XX века, в разговорной речи were употребляется сравнительно редко, за исключением выражения “if I were you” (если бы я был на вашем месте). Автор отдаёт предпочтение форме was, утверждая, что она значительно эмфатичнее, чем were, а поэтому лучше выражает невозможность, чем старая форма сослагательного наклонения: “I am not rich. I wish I was” (Я не богат. Я желал бы быть богатым); “I am ill. If I wasn't, I should come with you” (Я болен. Если бы я не был болен, я пошел бы с вами). Это также подтверждается сравнением предложения “if he were to call” со слабым were, смутно выражающее будущую возможность, и “if he was to call” с сильным was, отрицающее то, что выражается предложением “he is to call”; is to здесь почти синонимично has to, is bound to: “If I was to open my heart to you, I could show you strange sights” (Каупер) [Есперсен О., 1958: 312].

Кроме того, у Есперсена мы находим примеры, подтверждающие, что первоначально правила, рассмотренные выше применительно к условному придаточному предложению, относились и к главному предложению условного периода: “But if my father had not scanted me ... Yourselfe, renowned Prince, than *stood* as faire As any comer” (Шекспир); “She *were* an excellent wife for Benedick” (Шекспир). Соответственно и в допрошедшем: “If thou hadst bene here, my brother *had not died*” (Перевод Библии, 1611 г.). Однако, подобно тому как существует сильная тенденция яснее выражать будущее время в главных предложениях, чем в придаточных (это достигается в английском языке употреблением *will* или *shall*), так и здесь более краткий способ выражения в главных предложениях условного периода был заменен более полным с глаголами *should* и *would*: “you would stand; she would be; my brother would not have died” и т. п. *Could* и *might* в главных предложениях употребляются по-старому, поскольку эти глаголы не имеют формы инфинитива, а поэтому не могут сочетаться с *should* и *would*, например: “How *could* I be angry with you?”, “He *might* stay if he liked” [Есперсен О., 1958: 312].

Особым применением формы прошедшего времени нереальности Есперсен называет случаи употребления *should* и *ought* для выражения долженствования, долга и т. п. в настоящем времени и случаи употребления с оттенком смягчения формы *could* вместо *can* (Could you tell me the right time), *would* вместо *will* (Would you kindly tell me...) и *might* вместо *may* (Might I ask...). По его мнению, это привело к превращению *must* из формы прошедшего времени в форму настоящего времени [Есперсен О., 1958: 312].

Итак, Отто Есперсен не подтверждает отсутствие сослагательного наклонения в английском языке, но уточняет, что его современные формы совпадают с формами прошедшего времени. Для полного понимания сути данной проблемы, обратимся к взглядам других лингвистов.

Б.А. Ильиш объяснял возможность разных подходов к данной категории отсутствием прямого соотношения между значением и формой в средствах выражения того, что он называет “the other moods”. В разных изданиях своей теоретической грамматики он говорит о возможности форм прошедшего времени регулярно представлять модальные значения в зависимости от интенции говорящего и определяет глаголы *should* / *would* как вспомогательные глаголы, выражающие нереальность вне зависимости от точки зрения исследователя на проблему наклонений. В последнем издании автор, признавая исключительную сложность и многообразие трактовок косвенных наклонений и высказывая мнение, что в ближайшем будущем нельзя надеяться на универсально приемлемое решение, приводит все модели употребления форм со значением не-факта и предлагает двойное решение вопроса: либо считать, что на лицо омонимия форм изъявительного и сослагательного наклонений, либо признать разное значение одних и тех же форм [Хлебникова И.Б., 1994: 15-16].

Л.С. Бархударов исключил из сферы наклонения сочетания модального глагола с инфинитивом, так как место этих конструкций – в синтаксисе. Он считает, что поскольку формы, причисляемые некоторыми лингвистами к сослагательному наклонению, «всегда «омонимичны» формам прошедшего времени, постольку нет оснований говорить в данном случае о двух омонимичных формах – это не две разные, а одна, а именно форма прошедшего времени. Что касается особенностей значения этой формы, то они определяются не её морфологическим строением, но исключительно синтаксическими условиями её употребления. ... Это даёт нам основание исключить указанные формы из числа форм наклонения» [Бархударов Л.С., 1975: 130-131]. Также Бархударов замечает, что такая трактовка является ныне общепризнанной в трудах зарубежных учёных.

Действительно, именно англисты, для которых английский язык является родным, задумались над возможностью трактовать некоторые глагольные формы как наклонения

и пришли к выводу, что разница между изъявительным и сослагательным наклонениями весьма незначительна и поддерживается лишь формами глагола *to be* и опущением окончания в 3 лице единственного числа настоящего времени. Однако разговорном английском и это различие исчезает.

Во многих английских грамматиках раздел «Наклонение (Mood)» фактически отсутствует, а если и включён, то представлен очень скудно, либо в него введены лишь конструкции с модальными глаголами. И здесь учёные не приходят к единому мнению. В «Кембриджской грамматике английского языка» Р. Хадлстона и Дж. Паллэма различие между наклонением и модальностью сравнивается с различием между грамматической категорией времени и категорией реального времени или понятием вида и его наличием. По мнению авторов, наклонение - это грамматическая категория, модальность – категория значения. «Наклонение - это грамматикализация модальности внутри глагольной системы. Термин «наклонение» наиболее часто применяется по отношению к флективным или производным системам глагола подобно противопоставлению изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений в таких языках, как латинский, французский и немецкий. Что касается английского языка, благодаря историческим изменениям, категория наклонения в некотором роде была исключена из флективной системы, с сокращением форм нереального наклонения до формы *were* для 1-го и 3-го лица единственного числа, которая также часто заменяется обычной формой прошедшего времени *was*. Исходя из этого, основная система наклонения скорее аналитическая, чем флективная, характеризующаяся наличием или отсутствием специальных слов, модальных глаголов» [Huddleston R., Pullum G., 2002: 172]. Рассмотрению различных конструкций, содержащих модальные глаголы, выражения и слова, а также их значений и посвящён раздел данной грамматики «Наклонение и модальность».

Н.А. Слюсарева, обращаясь к данной проблеме в своей книге «Проблемы функциональной морфологии современного английского языка», анализирует ряд английских грамматик второй половины XX века. Так, например, в «Грамматике разговорного английского языка» Дж. Синклера к наклонениям отнесены четыре типа конструкций: вопросительные, повествовательные, повелительные и конструкции без наклонений (*moodless*), не содержащие сказуемое, а также приветствия и заголовки и т.п., а все остальные модальные значения описаны в разделе о конструкциях с модальными глаголами. В книге «Современный подход к английской грамматике» Дж. Муир также называет наклонениями формы глагола, выражающие утверждение, вопрос и приказание, а все прочие оттенки модальных значений включает в разряд модальности, рассматриваемой отдельно. Т. Лангендон считает наклонением только повелительные формы. А в носящей справочный характер «Коммуникативной английской грамматике» Дж. Лича и Я. Свартвика наклонение рассматривается в одном разделе с выражением эмоций и отношений (*attitude*) [Слюсарева Н.А., 1986: 69].

Н.А. Слюсарева, рассмотрев мнения отечественных и зарубежных лингвистов, приходит к выводу, что морфология глагола при выражении модальности в качестве базовой категории включает изъявительное (повествовательное) наклонение, с которым соотносятся глагольные формы отрицания, вопроса и модального инфинитива. Она утверждает, что, несмотря на все споры о количестве наклонений или о значениях форм прошедшего времени как однозначных, так и модальных глаголов, нельзя не согласиться, что во всех приведённых примерах модальное значение сосредоточено не в морфологической сфере, а в лексическом наполнении и в специфике синтаксической конструкции [Слюсарева Н.А., 1986: 69,76].

И.Б. Хлебникова в своей книге, посвящённой сослагательному наклонению в английском языке также приводит примеры точек зрения на данную проблему, освещаемых

в англоязычной литературе. Она отмечает, что большинство авторов под *subjunctive* подразумевает лишь синтетические формы (*be, were*). Это происходит и в самой объёмной «Грамматике современного английского языка» коллектива авторов (Р. Куэрка, С. Гринбаума и уже упомянутых Дж. Лича и Я. Свартвика), где всё же можно найти утверждение, что *subjunctive* обычно замещается другими конструкциями, которые, однако, не описываются. Сходную точку зрения можно найти и у Ф. Палмера – автора специальной работы по глаголу. Американский лингвист М. Джуз подчёркивает тот факт, что интерпретация значения омонимичных форм либо как факта, либо не-факта зависит от контекста, хотя само явление омонимии не обсуждается [Хлебникова И.Б., 1994: 17-18].

Однако, в своей работе И.Б. Хлебникова доказывает необоснованность отождествления форм будущего-в-прошедшем и форм условного наклонения. Она замечает, что при существовании стабильной морфологической модели со строго определённым грамматическим значением, модели, постоянно воспроизводимой в речи, нельзя отрицать её наличие в языке, как нельзя отрицать и наличие грамматической категории, обозначаемой данной формой. Автор считает, что в одной форме не могут совмещаться два противоположных грамматических значения, в частности реальности и нереальности. «Если форма одна, то, следовательно, мы имеем дело с морфологической омонимией ... Противопоставление реальности и нереальности действия существует как грамматическая категория во всех известных нам индоевропейских языках в полном соответствии с логическими понятиями суждения достоверного и проблематичного» [Хлебникова И.Б., 1994:17].

Итак, мнения лингвистов по поводу наличия или отсутствия особых форм сослагательного наклонения разделились. Некоторые считают, что в английском языке нет данного наклонения. Другие полагают, что формы прошедшего времени могут выражать как временные, так и невременные отношения. Третьи говорят о существовании морфологической омонимии, утверждая, что формы прошедшего времени и нереального наклонения различны, но омонимичны.

Многообразие точек зрения по данной проблеме позволяет сделать вывод, что отрицание существования в английском языке сослагательного наклонения недостаточно обосновано. И даже то, что в английских грамматиках почти не уделяется внимание этой категории и она рассматривается совместно с модальностью, не говорит о том, что носители языка не признают наличие в речи конструкций, выражающих нереальность. При таком разнообразии подходов наиболее приемлемым представляется мнение о наличии такого явления как морфологическая омонимия при образовании форм нереального наклонения. Тем не менее, нельзя не согласиться с Б.А. Ильишом, который ещё более тридцати лет назад заметил, что нельзя надеяться на универсально приемлемое решение этого вопроса в ближайшем будущем [Хлебникова И.Б., 1994: 15-16]. И, действительно, до сих пор учёные не пришли к единому мнению и данная проблема продолжает оставаться предметом споров среди лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1975. – 157 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики. Под ред. Ильиша Б.А. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 537 с.
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
4. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. – М.: Наука, 1986. – 215 с.
5. Хлебникова И.Б. Сослагательное наклонение в английском языке. – Саранск: типография «Красный

октябрь», 1994. – 178 с.

6. Huddleston R., Pullum G. The Cambridge Grammar of the English Language. – Cambridge University Press, 2002 - 611 p.

ALEKSEEVA Y.A.

MORPHOLOGICAL HOMONYMY AND THE FORMATION OF THE IRREALIS MOOD IN ENGLISH

Moscow Regional Teachers' Training College, Serpukhov

The article deals with one of the most arguable questions in the area of modality – the existence of the special forms of the Subjunctive Mood. The conclusion is based on the analysis of the Russian and foreign linguists' works (XX century).

Key words: Modality, the Subjunctive mood, the irrealis mood, morphological homonymy.